

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Александрова-Осокина О. Н. Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 244—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-244-261.

Alexandrova-Osokina, O. N., Wang Juan. (2025). Motif of Road in Stepan Shevyrev's "Journey to Kirillo-Belozersky Monastery". *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 244-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-244-261. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

**Александрова-Осокина
Ольга Николаевна**

orcid.org/0000-0003-2960-9920
доктор филологических наук, доцент,
профессор высшей школы
русской филологии
корреспондирующий автор
osokina-11@mail.ru

Ван Юцзюань

orcid.org/0009-0006-0818-3851
аспирант высшей школы
русской филологии
1873532752@qq.com

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Motif of Road in Stepan Shevyrev's "Journey to Kirillo- Belozersky Monastery"

Olga N. Alexandrova-Osokina

orcid.org/0000-0003-2960-9920
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Higher School
of Russian Philology
corresponding author
osokina-11@mail.ru

Wang Juan

orcid.org/0009-0006-0818-3851
post-graduate student,
Higher School
of Russian Philology
1873532752@qq.com

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предметом исследования стал образ дороги в книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь». Обосновывается мысль о том, что дорога — это ключевой сюжетобразующий и смысловой элемент произведения. В процессе анализа были выявлены «дорожные сюжеты» в произведении и проведена их классификация, которая позволила сформировать две группы: 1) эпизоды с преобладающим изобразительным началом и 2) эпизоды, где образ дороги концептуализируется (выражает геополитические, историософские и т. д. представления писателя). Это позволило обоснованно утверждать, что образ дороги в названном произведении отражает реалии путешествия и вместе с тем связан с выражением историософских представлений писателя о судьбе России, о национальном историческом пути, о характере русского народа. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к творчеству Шевырева как ключевой фигуры в историко-литературном процессе первой половины XIX века, а также непреходящим интересом к поэтике документально-художественных жанров. Новизна работы обусловлена малой изученностью произведения и выбранным ракурсом его анализа, в результате которого были выявлены изобразительно-выразительные средства, создающие образ дороги, и прослежены механизмы концептуального обогащения образа.

Ключевые слова:

хронотоп дороги; документальное и художественное; национальный пейзаж; портрет; бытовой жанр; художественный образ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the motif of the road in S. P. Shevyrev's "Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery." It is argued that the road serves as a pivotal narrative and thematic element within the work. Through a detailed analysis, "road narratives" present in the text are identified and classified into two distinct groups: (1) episodes characterized predominantly by their descriptive nature, and (2) episodes where the motif of the road is conceptualized, reflecting the author's geopolitical and historical-philosophical perspectives. This classification supports the assertion that the road motif in the aforementioned work not only mirrors the realities of travel but also encapsulates the writer's historical-philosophical views on Russia's fate, its national historical trajectory, and the character of the Russian people. The relevance of this study is underscored by the growing interest in Shevyrev's oeuvre as a key figure in the literary-historical process of the first half of the 19th century, as well as an enduring fascination with the poetics of documentary-artistic genres. The novelty of this research lies in the relative under-exploration of the work and the chosen analytical perspective, which reveals the expressive means that construct the road motif and traces the mechanisms of its conceptual enrichment.

Key words:

chronotope of the road; documentary and artistic; national landscape; portrait; everyday genre; artistic image.

Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

© Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань, 2025

1. Введение = Introduction

Книга Степана Петровича Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» в последние два десятилетия обратила на себя внимание исследователей: рассматривались вопросы жанровой традиции [Бознак, 2004; Жукова, 2012; Николюкин, 2019], краеведческих источников [Чистякова, 2013].

Историко-литературная проблематика предложенного исследования связана с расширением представления о литературном творчестве писателя, который был ключевой фигурой в историко-литературном процессе первой половины XIX века, и с наблюдениями над процессами концептуализации документального материала в документально-художественной литературе.

Авторы настоящей статьи ранее уже обращались к изучению рассматриваемого произведения С. П. Шевырева: в аспекте геопоэтики и этнопоэтики [Александрова-Осокина и др., 2023а; Александрова-Осокина и др., 2023б], с точки зрения ценности страноведческого (этнографического) материала [Ван Юцзюань, 2022], также анализировались некоторые особенности художественного пространства произведения, например пейзаж [Ван Юцзюань, 2024].

Новизна предпринятого исследования обусловлена тем, что вопросы идейно-художественного содержания книги Шевырева рассматриваются сквозь призму образа дороги, который отражает предметные и географические реалии и вбирает в себя символично-концептуальные представления народной картины мира, а также является жанровым, сюжетно-композиционным и ценностно-смысловым скрепляющим началом произведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Метод исследования заключался в выборке «дорожных эпизодов» из книги Шевырева, их систематизации, анализе и интерпретации.

Теоретической базой послужили работы, в которых дорога осмысливалась как значимый структурный элемент литературного произведения, отражающий реальные пространственные маршруты и вместе с тем обозначающий концептуальные, символично-философские и универсальные категории человеческой жизни и истории [Лотман, 1997; Щепанская, 2003; Меркулова, 2007; Травников, 2017; Инь Дун, 2018; Мальцева, 2022].

В процессе анализа все «дорожные события» в книге Шевырева были разделены на две группы:

- 1) бытовые и коммуникативные обстоятельства путешествия (характеристика качества дорог, типы повозок, образы извозчиков, качество гостиниц и дорожных трактиров, курьезные ситуации дорожного быта, встречи, диалоги, знакомство с документами, письмами и т. д.);
- 2) хронотопические, где природно-ландшафтные характеристики (маршрут путешествия, пейзаж, погода, рельеф местности, топонимика, ландшафтные очертания и т. п.) выступали в единстве с историко-культурной памятью местности.

В процессе работы внимание было направлено на роль автора, в восприятии которого реальные события дорожного маршрута получают концептуальное осмысление и сюжетно-фабульное оформление. Теоретической опорой в этих наблюдениях послужили классические работы М. М. Бахтина и Л. Я. Гинзбург [Бахтин, 1975; Гинзбург, 1976]. Ключевой в работе стала мысль Л. Я. Гинзбург о том, что автор документально-художественной литературы «прокладывает дорогу от факта к его значению», выявляет в жизненном факте символические и репрезентативные смыслы и в конечном счете создает художественный образ, который является «единичным знаком обобщений <...> обширных пластов человеческого опыта» [Гинзбург, 1976, с. 10—11].

Образ дороги у Шевырева неразрывно связан с жанром его произведения («поездка», путешествие), и поэтому в работе были учтены исследования по проблемам путевой прозы, см.: [Шачкова, 2008]. В первой половине XIX века для развития путевого жанра наиболее значимы были «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых утвердился тип авторской самопрезентации и был сформирован канон в изображении дорожных впечатлений: авторский «легкий» тон воплощался в свободном переходе от темы к теме, во внимании к бытовым подробностям, в некоторой ироничности. Карамзин утвердил эстетическую традицию, при которой описания дорожного быта были мотивированы не «прагматическим заданием путеводителя», но идейно-художественной установкой на «свободный творческий диалог повествователя с окружающим миром» [Алпатова, 2017, с. 75].

Важным направлением в исследовании было выявление геопоэтической составляющей в эстетике произведения: писатель рассматривает характеристики русского ландшафта, климата, флористику, цветовую палитру русского пейзажа как черты, связанные с самой русской жизнью и русским народным характером. В работе было учтено, что на формирование геопоэтических взглядов писателя большое воздействие оказали идеи немецкого историка искусства XVIII века И. Винкельмана о влиянии климата на облик народной культуры, см.: [Лаппо-Данилевский, 2002, с. 26—27; Манн, 1998, с. 223].

Таким образом, анализ книги Шевырева строился с учетом историко-культурной и жанровой традиции, а образ дороги рассматривался как синтез реальных путевых впечатлений и философско-концептуальных обобщений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ дороги как предмет авторской рефлексии в книге Шевырева

Образ дороги, цель поездки, условия путешествия — это темы, к которым Шевырев многократно обращается в авторских прямых высказываниях в «Поездке...», раскрывая при этом как грани своей личности, так и взгляд на различные вопросы русской жизни.

Повествование открывается «признанием» о цели поездки: *Мне нужен был отдых от трудов академического года. Я хотел согласить его с занятием по сердцу. Ни на чем нельзя так отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1].

Так, уже в начале повествования формируется ракурс восприятия авторского образа: это академический ученый, «*утомленный кабинетной жизнью*», ищущий в поездке одновременно и отдыха, и труда. В противопоставлении *дороги* и *кабинетной жизни* можно увидеть и дополнительный смысловой оттенок, связанный с идеей познания жизни: дорога — это то, что может обогатить и расширить «кабинетное», «книжное» знание. Многообразием дорожных впечатлений и свободой путевого жанра мотивируется автором и многообразие произведения: *В дороге все случайно: <...> не знаешь, с кем встретишься, и что заметишь <...> Пускай рассказ мой будет верной, незатейливой копией с самого странствия* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1—2].

Опыт познания народной жизни становится возможным благодаря дороге, ее возможности к расширению природных и социальных границ, и переплетаются, говоря словами М. М. Бахтина, «пространственные и вре-

менные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизуясь социальными дистанциями» [Бахтин, 1975, с. 392].

Значимой видится мысль Шевырева о медитативной сущности дорожного странствия: это не просто «перемещение» в пространстве, но особое состояние, связанное с возможностью философского восприятия окружающего мира: в дороге *впечатления сменяются быстро, душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1]. Так, уже в начале повествования задан ракурс ценностного восприятия дороги как пространства.

3.2. Дорожный быт и дорожные встречи как сюжетная основа произведения

Многопланово раскрывается в книге Шевырева образ дороги в рассказах о дорожных происшествиях и встречах. Дорожные сцены, отраженные писателем, складывались в зарисовки, близкие к бытовому жанру очерковой этнографической прозы 1840-х годов.

3.2.1. Образ извозчика и русской тройки в книге Шевырева

В русской культуре ямщик связан с идеей русского бескрайнего пространства, с фольклором; в искусстве образ ямщика часто выступает как символ «народного лирического и душевного универсума» [Старшова и др., 2018, с. 215].

Обращаясь к этому образу, Шевырев делает интересные этнографические и филологические наблюдения и вместе с тем, в русле очерковой прозы своего времени, стремится отразить и типологические черты профессии, и элементы психологизма, и связь с народной культурой.

Автор приводит любопытную этнографическую информацию о типах повозок: *«лихая почтовая тройка»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48] противопоставлена *«обывательской»*, которая *«тащила очень вяло»*, потому что *«обывательские лошади», в отличие от «почтовых», «не знают овса»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 64—66]. В описании тройки историко-этнографический материал лирически окрашен, воспринимается символически как отражение русского характера: *Дружная тройка, которую знает извозчик и которая сама знает извозчика, есть необыкновенная ездовая сила, созданная русским человеком* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 117].

Портретные зарисовки ямщиков проходят сквозной темой через всю книгу: *Путь сокращал мне извозчик Фаддей, очень умный малый, которого подрядил я в Троицком посаде* (глава «Александров») [Шевырев, 1850, ч. I, с. 31]; *...неразговорчив был извозчик, который вез нас из Александрова в Переславль <...> красивый, высокий мужчина сменил его на станции* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48]; *Иван, который нас вез от Семенковской станции, весьма красивый юноша, с греческим профилем* [Шевырев, 1850, ч. I,

с. 98]; *С Ивановской станции повез нас извозчик Семен, весьма красивый малый <...> с потребностями нового поколения. <...> Семену нужна была трубка. Он выпросил позволения курить ее* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 113]. Колоритной дорожной картиной становится сцена, где молодой извозчик, любуясь собой, лихо проносится по своей деревне, красуясь перед местными барышнями и думая про себя: *«Ай да наш Иван! Как лихо скачет!»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 97—98].

Автор не только называет имена своих провожатых, но приводит детали портрета, характеризует черты психологического склада, особенности речи, привычки, детали личной жизни, то есть создает очерки народных типов.

Речь извозчиков становится для Шевырева источником филологических наблюдений над местными говорами: так, он отмечает, что его жога-тый из селения Холопова произносит вместо [х] звук [ф] — *«Фолопово», «тем доказывая, что он верен своему местному произношению»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48]; язык ямщика из Троицкого посада был для автора *«уроком в московской народной речи»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 9].

В зарисовках Шевырева извозчик — это носитель народной традиции, он знает народные песни и легенды. От ямщиков записывает автор легенду о святом дереве преподобного Корнилия, о кургане Синеуса, исторические и любовные песни. Причастность народной культуре проявляется и в набожности, в знании религиозных традиций: *Извозчик <...> был <...> отличный песенник. Но он не хотел петь песен ради завтрашнего воскресенья и всенощной* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 103].

3.2.2. Дорожный быт и путевые встречи в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь...»

Неотъемлемыми сюжетами путешествия являются сцены дорожного быта и разнообразных встреч. Подобные зарисовки динамичны, наполнены предметными деталями, отражающими мир дорожной повседневности, воссоздают народную разговорную речь, часто окрашены юмором: *К Ростову ехали мы ночью. <...> У шоссейного шлагбаума потребовали мытищинского ярлыка <...> Смотритель впросонках настоячиво требует ярлыка с меня, также полусонного. Давай искать, шарить по всем карманам, и в портфеле, <...>. Нет, так нет. Надобно было вновь заплатить что-то <...> Был час ночи. Лишь только стали мы подъезжать к самой гостинице, <...> как тарантас мой повалился на бок. «Ось с треском по-полам!»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 64—65].

Описание дорожной трапезы представляет собой значимую картину из панорамы дорожного быта и отражает не только особенности дорожной атрибутики, но и региональный колорит: *Проезжая мимо села Прилук,*

<...> нельзя было не купить калачей, известных в народе под именем калачей Димитрия Прилуцкого. Конечно, постный их вид и вкус дали им право на такое название [Шевырев, 1850, ч. I, с. 127].

Шевырев сравнивает условия своего путешествия с европейскими, то иронично противопоставляя европейский комфорт русскому неустройству, то, напротив, показывая, что плоды европейской цивилизации оказывают свое влияние на русскую дорожную культуру, меняют ее.

Противопоставляя «путешествие» «поездке по делам», автор пишет, что в России возможно только второе, потому что атрибутом «путешествия» является бытовой комфорт («прекрасный завтрак, вкусный обед, мягкая постель»), которого на русских дорогах нет: *...странствуя по России, вы <...> и ночью, и днем чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими [Шевырев, 1850, ч. I, с. 2].*

Вместе с тем логика всего произведения показывает, что сравнение типов европейского и русского путешествия является лишь полемическим приемом, «игрой» автора, вся книга которого нацелена на то, чтобы показать, что русская культура в сравнении с Европой имеет свою лицо и не сводится к вопросам бытового комфорта.

Важными зарисовками, позволяющими показывать духовность жизни русской провинции, являются эпизоды дорожных встреч. Эти сюжетные элементы в книге Шевырева представлены разными жанровыми формами: от «простого» портрета до развернутых рассказов.

Отдельное внимание уделяет автор встречам со случайными проводниками («чичероне» — по характеристике Шевырева). Эти эпизоды связаны с одной из ведущих замысла книги — показать образ провинциального интеллигента, подчеркнуть духовную жизнь русской провинции и противопоставить ее атмосфере столичных русских городов. Круг провинциальных «краеведов» у Шевырева составляют педагоги и «простые люди», взрослые и дети. *Рано утром пошел я осматривать древности Переславля. В то время, когда на улице zatrudнялся я в проводнике <...>, заметил мое затруднение шедший по улице мещанин. «Что вам угодно, барин?» — спросил он у меня. «Да вот, взглянуть на вашу древность <...>». — «Извольте, барин, я вам все покажу. Как нам не знать своего города!» <...> Этот переславский чичероне — <...> преумный малый знает в городе все старое и новое, а грамоте не учился [Шевырев, 1850, ч. I, с. 49].* Автор видит провинциального русского человека как хранителя народных духовных сил.

Ценной в историко-культурном отношении является зарисовка о встрече в Вологде с русским поэтом К. Н. Батюшковым, который вторую половину своей жизни был болен и жил под присмотром родственников в родовом имении в Вологде [Кошелев, 1987, с. 291—340.].

Шевырев пишет о встрече с Батюшковым как о «*грустном свидании*» [Шевырев, 1850, ч. II, с. 109—115]. Создавая портрет, он обращает внимание на контраст между романтическим обликом молодого поэта, каким он сохранился в памяти современников, и впечатлением от «настоящего Батюшкова», постаревшего и измененного болезнью, у которого «*все связи с прошедшим уже разорваны*». В чертах портрета отражается печать времени и болезни в облике поэта: «*небольшого роста человек лет пятидесяти*», «*почти совсем седой, с глазами, ни на чем не остановленными*», «*подвижное лицо его свидетельствовало о нервической его раздражительности*» [Там же, с. 109]. Вместе с тем автор отмечает и отдаленное сходство с романтическим портретом и подчеркивает духовное направление взглядов угасающего поэта: «*...в числе несвязных мыслей, которые выразил Батюшков <...> была одна, достойная человека вполне разумного: что свобода наша должна быть основана на Евангельском законе*» [Там же, с. 110]. Также автор обращает внимание на то, что чувство прекрасного у Батюшкова сохраняется в любви к цветам, к чтению и поэзии, к живописи, а также в любви к детям (*никогда ни в чем не откажет ребенку, и дети его любят* [Там же, с. 110]).

Встреча с большим Батюшковым является «дорожным эпизодом» и занимает небольшой объем во всем произведении, однако в идейно-художественном замысле книги играет значительную роль. Образ поэта, память которого чтут соотечественники, составляет также характеристику духовного облика русской провинции.

Рассматривая образ дороги, важно уделить внимание эпизодам встреч со странниками (паломниками).

Тема странничества воплощается в книге отдельными очерками в стиле «бытового жанра» — как зарисовка дорожной встречи. Шевырев акцентирует географическую тематику, подчеркивая, что странничество — это дальний путь к русским святыням: *На мосту, перед самым монастырем, встретили мы многих странников из Москвы. Я спрашивал, кто откуда. Тот — с Воробьевых гор, другой — из под Боровска, этот — из Рязьска. Особенно заняла меня старушка из Каширы* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 7—8]; *...встретил пешехода-странника, который шел поклониться гробу преподобного Нила. Странник служил во флоте, но вышед (в источнике так. — О. А., В. Ю.) в отставку, отправился по богомольям. Весь оброс бородой, другой год уже как ходит* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 102].

Из уст странницы слышит Шевырев и записывает пословицу, связанную со странничеством и поклонением Сергию Радонежскому: *Не было бы рук ни ног — катком бы покатила к чудотворцу* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 7—8].

В эпизодах, посвященных странникам, находит отражение главная тема книги — монастырская культура Русского Севера. В едином художественном пространстве произведения образы автора и странников сближаются: путешествие автора по русским монастырям преследует не только научные, но и паломнические цели. Автор-путешественник участвовал в богослужениях, подходил поклониться святыням (мощам, иконам), и через описание этого личного опыта он раскрывается не только как ученый медиевист, но и как «простой» русский паломник.

Также образ странника репрезентирован и в исторической перспективе, а именно — в рассказе о путях-дорогах первых монахов-поселенцев (XIV век), осваивавших земли Русского Севера: *Кирилл Новоезерский* <...> *долго блуждал по всем приделам России, прежде чем достиг стран Белозерских* (глава «Горицы - Белозерск...») [Шевырев, 1850, ч. II, с. 84—85]; *...отправился он* [Нил Сорский. — О. А., В. Ю.] *к святым восточным местам и провел несколько лет в монастырях Афона и Константинополя, <...> пришел в монастырь, <...> створил себе келлию* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 95]. Рассказ о маршрутах русского монашества воспринимается в единстве географического, исторического и духовного.

3.3. Геопоэтика и этнопоэтика дорожного хронотопа в книге Шевырева

Процессы концептуализации ярко проявляются в дорожных пейзажных зарисовках. Образ дороги формируется как природно-ландшафтными деталями, так и историко-культурными. Природно-ландшафтные акценты создаются сменой перспективных планов, природными картинами (пейзаж, погода, рельеф местности). Историко-культурное содержание дорожного хронотопа создается топонимикой, легендами и преданиями о происхождении названий местностей.

Ряд дорожных пейзажных зарисовок выполнен в поэтике «унылого» русского пейзажа, типичными приметами которого являются дождь (*Дождик ливнем лил, когда отправилась мы к Троице* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 8]) и бездорожье (*Дорога небольшая, <...> колеи такие, что способу нет, а когда грязь, так не приведи Господи!* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 31]; *...дорога идет болотами и лесом <...> все это, мешаясь, теряется в глубоком отдалении* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 82]). Региональный северный колорит подчеркивают флористические детали: *...ольха, вяз, малина, шиповник <...> все это мешается очень живописно по берегам озер и по беспрерывным пригоркам, между которыми вьется ровная дорога* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 134]. Рельеф русского ландшафта дополняют очертания храмов: *На расстоянии 27 верст от Вологды до села Кубенского вы видите по дороге <...> 17 церквей, которые со всех сторон поднимаются к небу* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 128].

Лейтмотивом проходит в пейзажных зарисовках Шевырева образ русской дали, далеких горизонтов, пространственного размаха. При этом автор использует формы динамического пейзажа, в котором фиксирует визуальные изменения ландшафта: *Сначала дорога идет болотами и лесом, но от Семибратского <...> чем ближе к Ярославлю, тем шире и далее, во все три стороны* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 83—84].

Размах русского ландшафта и пространственной перспективы Шевырев видит символическими знаками, указывающими на смысл русской истории и на сущность русского характера: *...многообъемлющий небосклон физический русского человека да будет со временем залогом такой же всеобъемлительности его небосклона умственного!* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 83].

Большое внимание уделяется автором историко-культурной составляющей дорожного хронотопа, которая проявляется в топонимике, легендах о происхождении названий местностей, в историческом комментарии, наполняющих историко-культурным, или сакральным, смыслом географические реалии: *От дороги поворотили мы влево к городу. Версты за две до него курган, довольно высокий, <...> «Что это у вас за курган?» — спросил я у Онисима. «Здесь, сударь, говорят, лежит царь Синеус»* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 60]; *На <...> пути в Кириллов мы вышли из тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непременно взойти, чтобы здесь помянуть преподобного Кирилла* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 63].

Историко-культурное содержание несет и хронология, особенно в случаях, когда в связи с календарной датой указывается религиозный праздник: *24 июня я выехал из Москвы в Крестовскую заставу. Иванов день сказывался венками цветов на поярковых шляпах фабричных щеголей московских* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 3]; *Мы приехали накануне соборного праздника: 3 июля празднуется память св. Василия и Константина Всеволодовичей, которых мощи почивают в соборе* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 87].

Так, в книге пространство, время, история и религия предстают неразрывными составляющими целостного образа русской культуры. Говоря словами М. М. Бахтина, «здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему», отсюда метафоризация: «жизненный путь», «исторический путь» [Бахтин, 1975, с. 392].

3.4. Дорога как символ русской культуры

В начале своего повествования Шевырев полемически заявляет: *У нас есть люди, готовые осмелить даже мысль о путешествии по России* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 2]. И далее на протяжении всего произведения сравнивает русские и европейские путешествия, европейские и русские дороги, подчеркивая, что достоинства «европейских» дорог связаны с условиями комфорта.

Автор ищет и на русских маршрутах достижения европейского прогресса: отмечает и улучшение качества дорог, и меняющийся в сторону развития личной свободы характер отношений, но вместе с тем вся логика его повествования подводит к тому, что для русского пути эти внешние достижения европейского комфорта несущественны; он показывает, что Россия — *другая*, залог ее будущего — это сохранение национальной самобытности, национальной истории. Показательна для иллюстрации этой мысли следующая цитата из книги Шевырева, в которой подчеркивается синтез европейского комфорта и русской самобытности: *...катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами европейской гражданственности и в то же время вспоминаешь старинную Русь с ее царскими походами* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 3].

Дорога и дорожные характеристики в таком контексте выступают как символ, знак культурно-исторического развития европейских стран и России. В этом понимании главная тема книги может быть прочитана как размышление о русском пути. Взгляд Шевырева на русскую историю и судьбу России строился в русле споров славянофилов и западников, где писатель пытался занять синтезирующую позицию. Хорошо зная европейскую культуру, он видел и ее грани, чуждые России. Мыслитель соглашается с тем, что многие формы европейской жизни должны быть усвоены в русской практике, но вместе с тем он видит, что сущностное содержание русской культуры связано с традициями православия и отлично от европейского просвещения.

Как духовные центры показаны у автора Троицкая Лавра, монастыри Русского Севера: *Перед самым городом Кирилловым находится поклонная гора, где останавливаются пешие богомольцы и кланяются угоднику обители. <...> Кириллов монастырь лежит на пути к великому богомолью русского народа, к Соловкам, и не обойдет белозерского угодника ни один странник-богомolec* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 135—134]. В книге образ русской дороги как дороги к храму, богомолью метафорически расширительно проецируется вообще на образ русского исторического пути-дороги.

Символичным видится и образ дороги, устремленной к храму, который в контексте всего произведения выступает как метафорически понятый путь всей России.

Образ дороги как символ, указывающий на связь земного и небесного, воплощается у Шевырева в «горизонтальной» и «вертикальной» проекциях. В «горизонтальной плоскости» дорога — географическое пространство, в «вертикальной плоскости» воплощение образа дороги связано с описанием небесной высоты, горизонта, открывающегося до небес пути к храму.

Особо стоит подчеркнуть в этом контексте образ радуги. Он встречается в книге Шевырева в пейзажных панорамных описаниях храмовых пространств на подъезде к Троице-Сергиевой Лавре (*Лишь только мы выехали из леса на поляну, <...> влево семицветная радуга двойною окружностью охватила небесный свод* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 10]) и к Кирилло-Белозерскому монастырю (*радуга ярко озарила все небо перед нами и сияла над монастырем, как небесные ворота* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 58]).

Радуга — символ небесного покровительства в культурах многих народов. В христианстве символическое понимание радуги восходит к Книге Бытия, где она есть знамение Завета Бога с человечеством: *И будет радуга [Моя] в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом [и между землею] и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле* (Быт. 9: 16). В Библии «радуга приобретает мощную символическую силу <...> служит выражением новых взаимоотношений, установленных между людьми и их Творцом <...> играет роль образа Божьей милости и мира после бури суда» [Словарь библейских образов ..., 2005, с. 974]. Изображения радуги широко представлены в христианской иконографии [Макарова, 2019, с. 410—419]; этот образ находит многоплановое отражение в русской литературе [Зверева, 2015, с. 95—102].

В пейзажных описаниях Шевырева радуга связана с дорогой, возвышается над землей и храмовым (монастырским) пространством, символически обозначая связь человека, неба, земли и храма. Новые смыслы при таком прочтении вычлениются в пословице, сказанной извозчиком о радуге: *Как ни прытко едешь, а все в радугу не въедешь*, — что видится не просто как характеристика физического явления, но и как обозначение небесного, «вертикального», ориентира в человеческой жизни.

4. Заключение = Conclusions

Образ дороги в русской литературе многогранен и глубок. В произведениях русских писателей подчеркиваются самые разные его аспекты: путь как личная судьба человека, путь как движение души к Богу и гармонии и, наконец, путь как судьба России и история целого народа. У Шевырева этот образ связан с поэтикой документального (характеристики реального путешествия: география, топонимика, дорожный быт, встречи и т. п.) и с поэтикой концептуально-символического — отражение в поэтике хронотопа национальной картины мира и философско-эстетических представлений писателя (национальный пейзаж, история, дорога-судьба и т. д.).

Образ дороги в цикле путевых очерков Шевырева оказывается не просто отражением внелитературной реальности путешествия, но художественным приемом, инструментом беллетризации, средством концеп-

туального соединения отдельных путевых впечатлений в единое художественное целое. Этот ключевой образ объединяет географическое изображение дороги как маршрута и образно-символическое содержание, предопределенное национальной картиной мира. Картины дорожного пейзажа, дорожных встреч и размышлений через систему мотивов и образов выражают ценностно-смысловое начало произведения.

Многочисленные географические и этнокультурные реалии, исторические комментарии, философские обобщения, литературные переключки, связанные с оформлением хронотопа дороги, — все это делает книгу емким источником информации о культуре и состоянии философско-эстетической мысли 1840-х годов XIX века.

В описании поездки образ дороги имеет сюжетно-фабульное и концептуальное значение. На уровне сюжетно-фабульного прочтения образ дороги связан с маршрутом, очерчивает направление движения, начальные и конечные точки маршрута и очерченное время начала и конца странствия. На уровне концептуальном дорога в книге Шевырева — это дорога к богомолью, поиск духовных маршрутов, символ исторического пути самой России.

Анализ образа дороги в книге Шевырева свидетельствует, что художественное мышление писателя основывается на преломлении художественного опыта романтиков и Любомудров в контексте этнопоэтических поисков русских писателей-очеркистов середины XIX века. Перспективой дальнейшего изучения творчества Шевырева видится расширение контекста исследований, привлечение к анализу поэтики и других очерковых и поэтических произведений писателя. Изучение особенностей философско-эстетической манеры Шевырева позволит создать целостное представление о гранях его литературного мастерства и дополнить представление о русском литературном процессе середины XIX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. Кошелев В. А. Константин Батюшков : Странствия и страсти / В. А. Кошелев. — Москва : Современник, 1987. — 351 с.
2. *Словарь* библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена и др. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. — 1423 с. — ISBN 5-7454-0945-2.
3. Шевырев С. П. Отрывки из писем Русского путешественника по Италии. Письмо 2 / С. П. Шевырев // Московский вестник. — 1830. — Ч. 2. — № 5. — С. 77—88.

4. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях / С. П. Шевырев. — Москва : В Университетской тип., 1850 : Ч. 1. [2]. — 158, III с ; Ч. 2. — 134 с.

Литература

1. Александрова-Осокина О. Н. Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Научный диалог. — 2023а. — Т. 12. — № 5. — С. 233—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249_

2. Александрова-Осокина О. Н. Духовное пространство Нило-Сорского монастыря в книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь...» / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023б. — Т. 16. — Выпуск 11. — С. 3881—3887. — DOI: 10.30853/phil20230593_

3. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина : поэтика повествования : монография / Т. А. Алпатова. — 2-е изд., перераб. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017. — 154 с. — ISBN 978-5-7017-2854-5.

4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С.234—407.

5. Бознак О. А. Литературная деятельность С. П. Шевырева 1840—1850-х годов : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Бознак. — Санкт-Петербург, 2004. — 23 с.

6. Ван Юцзюань Книга С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) как источник страноведческой информации / Ван Юцзюань // Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в цифровую эпоху / под ред. В. А. Иконниковой и др. — Москва : РУСАЙНС, 2022. — Ч. 2. — С. 292—295.

7. Ван Юцзюань Пейзаж в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» : национальное и сакральное / Ван Юцзюань // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2024. — № 2. — Т. 2. — С. 5—16. — DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_5.

8. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург — Изд. 2-е. — Ленинград : Художественная литература, 1976. — 448 с.

9. Жукова А. Н. «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева в контексте русской литературы о путешествиях первой половины XIX в. / А. Н. Жукова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2012. — № 2. — С. 125—138.

10. Зверева Т. В. Радуга : об одном оптическом сюжете в русской поэзии конца XVIII — первой половины XIX веков / Т. В. Зверева // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. — Выпуск 5. — С. 95—102.

11. Инь Дун Метафорическая модель «дорога → жизненный путь» в русском и китайском языках / Дун Инь // «Дарагое мне і маё — беларускае» : навуковы зборнік да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф. М. Янкоўскага / рэдкал. : Г. М. Валочка [і інш.] ; навук. рэд. Д. В. Дзятко. — Рīga : BVKI, 2018. — С. 339—342.

12. Лапто-Данилевский К. Ю. Шевырев и Винкельман (статья первая) / К. Ю. Лапто-Данилевский // Русская литература. — 2002. — № 2. — С. 3—27.

13. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // О русской литературе (Статьи и исследования 1958—

1993). История русской прозы. Теория литературы. — Санкт-Петербург : Искусство СПб, 1997. — С. 112—117.

14. Макарова Н. И. Мотив радуги в христианском искусстве / Н. И. Макарова // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11. — № 2. — С. 410—419. — DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-410-419.

15. Мальцева Е. А. Дорога как предмет концептуальной рефлексии / Е. А. Мальцева // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14. — № 3. — С. 385—402. — DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-385-402.

16. Манн Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. — Москва : МАЛП, 1998. — 381 с.

17. Меркулова И. И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830—1840-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Меркулова. — Самара, 2007. — 22 с.

18. Николюкин А. Н. Путешествие С. П. Шевырева по России / А. Н. Николюкин // Литературоведческий журнал. — 2019. — № 46. — С. 190—194.

19. Старшова А. П. Коннотации образа ямщика в русской культуре / А. П. Старшова, А. В. Парайл // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 213—217. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10054.

20. Травников С. Н. «И шли горами каменными и ярами глубокими, тилко небо да земля...» : особенности изображения пространства в «Пеллгримации» Ипполита Вишенского / С. Н. Травников // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 43. — С. 121—133.

21. Чистякова Е. А. Тверской край в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) / Е. А. Чистякова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сб. науч. трудов по материалам Международной научной конференции. — 2013. — Выпуск 3 (9). — С. 154—159.

22. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы : вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277—281.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 12.06.2025.

Material resources

Koshelev, V. A. (1987). *Konstantin Batyushkov: Wanderings and passions*. Moscow: Sovremennik Publ. 351 p. (In Russ.).

Ryken, L. (ed.). (2005). *Dictionary of Biblical Images: [Reference]*. Saint Petersburg: Bible for All. 1423 p. ISBN 5-7454-0945-2. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1830). Excerpts from letters of a Russian traveler in Italy. Letter 2. *Moscow Bulletin*, 2 (5): 77—88. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1850). *A trip to the Kirillo-Belozersky monastery. The vacancy days of Professor S. Shevyrev in 1847. In two parts*, 2. Moscow: In the University press. 134 p. (In Russ.).

References

Aleksandrova-Osokina, O. N., Wang You Juan. (2023). Geopoetics of Belozerye in Book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' by S. P. Shevyrev. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 233—249. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249. (In Russ.).

- Alexandrova-Osokina, O. N., Wang Yujuan. (2023b). The spiritual space of the Nilo-Sorsky monastery in the book by S. P. Shevyrev "Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery...". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 16 (11): 3881—3887. DOI: 10.30853/phil20230593. (In Russ.).
- Alpatova, T. A. (2017). *The prose of N. M. Karamzin: the poetics of narration: a monograph. 2nd ed., revised*. Moscow: IIU MGOU. 154 p. ISBN 978-5-7017-2854-5. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics. Research from different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 234—4407. (In Russ.).
- Boznak, O. A. (2004). *Literary activity of S. P. Shevyrev in the 1840s and 1850s*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Chistyakova, E. A. (2013). Tver Region in S. P. Shevyrev's book "A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery" (1847). *Native literature in the modern cultural and educational space. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference*, 3 (9): 154—159. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1976). *On psychological prose. Ed. 2*. Leningrad: Fiction. 448 p. (In Russ.).
- Lappo-Danilevsky, K. Y. (2002). *Shevyrev and Winkelman (first article)*. *Russian Literature*, 2: 3—27. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997). On the concept of geographical space in Russian medieval texts. In: *About Russian literature (Articles and studies 1958—1993). The history of Russian prose. Theory of literature*. Saint Petersburg: Iskusstvo SPB. 112—117. (In Russ.).
- Makarova, N. I. (2019). Rainbow motif in Christian art. *Ideas and ideals*, 11 (2): 410—419. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-410-419. (In Russ.).
- Maltseva, E. A. (2022). The road as a subject of conceptual reflection. *Ideas and ideals*, 14 (3): 385—402. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-385-402. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1998). *Russian philosophical aesthetics*. Moscow: MALP Publ. 381 p. (In Russ.).
- Merkulova, I. I. (2007). *Chronotope of the road in Russian prose of the 1830s and 1840s*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 22 p. (In Russ.).
- Nikolyukin, A. N. (2019). S. P. Shevyrev's journey through Russia. *Literary Journal*, 46: 190—194. (In Russ.).
- Shachkova, V. A. (2008). "Journey" as a genre of fiction: questions of theory. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 3: 277—281. (In Russ.).
- Starshova, A. P., Parail, A. V. (2018). Connotations of the image of a coachman in Russian culture. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2: 213—217. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10054. (In Russ.).
- Travnikov, C. N. (2017). "And they walked through the stone mountains and the deep yars, the sky and the earth were soft ...": features of the image of space in the "Illumination" of Hippolytus Vishensky. *Bulletin of Slavic Cultures*, 43: 121—133. (In Russ.).
- Wang Yujuan. (2022). S. P. Shevyrev's book "A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery" (1847) as a source of regional information. In: *Language. Culture. Translation: Intercultural communication in the digital age*, 2. Moscow: RUSAINS. 292—295. (In Russ.).
- Wang Yujuan. (2024). Landscape in the book by S. P. Shevyrev "Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery": national and sacred. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 (2): 5—16. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_5. (In Russ.).

- Yin Dong. (2018). Metaphorical model “road → life path” in Russian and Chinese. In: “*Give me a gift I May — belaruskaye*”: *navukovy zbornik da 100-godja z day narajennya prafesara F. M. Yankoyuskaga*. Riga: BVKI. 339—342. (In Russ.).
- Zhukova, A. N. (2012). “Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev in the context of Russian travel literature of the first half of the XIX century. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 2: 125—138. (In Russ.).
- Zvereva, T. V. (2015). Rainbow: about an optical plot in Russian poetry of the late XVIII — first half of the XIX centuries. *Bulletin of the Udmurt University*, 25 (5): 95—102. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 12.06.2025.*